

Оригинальная статья
УДК 81'272
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157>

Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики

Виктория Андреевна Иванова¹, Любовь Александровна Ульяницкая²✉

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
✉ ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

Введение. В настоящее время на территории Российской Федерации 138 языков находятся под угрозой исчезновения, что объясняет актуальность исследования влияния языковой политики РФ на развитие карельского языка. Цель данного исследования заключается в анализе того, как языковые контакты влияли на карельский язык, а рассмотрение языковой интерференции в историческом контексте определяет его научную новизну.

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания на карельском языке досоветского и советского периодов, а также статьи из современных электронных периодических изданий. Кроме того, исследования были дополнены посредством опроса нескольких информантов. Для сбора и анализа информации применялись метод сплошной выборки, метод анкетирования, метод включенного наблюдения, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования служат социальная типология языков и типология языковых ситуаций.

Результаты и обсуждение. В разные исторические периоды карельский язык в разной степени подвергался воздействию финского, вепсского и русского языков, изменяясь и перенимая их черты. В текстах досоветского периода лексические единицы русскоязычного происхождения обозначают бытовые реалии или религиозные понятия. В текстах советского времени выделяется максимальное количество русскоязычных лексических единиц, относящихся к бытовой сфере и советской идеологии или реалиям. В текстах современного периода выделяется минимальное количество лексических единиц русскоязычного происхождения, которые в большинстве представляют собой уже вошедшие в норму карельского языка русские заимствования.

Заключение. С учетом дифференциальных признаков языковая ситуация в Республике Карелии на сегодняшний день определяется как многокомпонентная, многоязычная, демографически неравновесная, коммуникативно несбалансированная. В разные исторические периоды карельский язык подвергался в той или иной степени воздействию русского языка, что особо ярко отразилось в лексике. В настоящий момент активисты из числа профессионалов и любителей, возрождающие карельский язык, ориентируются, в основном, на его прибалтийско-финскую основу.

Ключевые слова: языковая политика, карельский и русский языки, смешение языков, языковая интерференция

© Иванова В. А., Ульяницкая Л. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Для цитирования: Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 142–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157.

Original paper

Lexical Interference of Russian and Karelian in the Diachronic Aspect of Language Policy

Victoria A. Ivanova¹, Liubov A. Ulianitckaia²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia, andvikaivanova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia, ulianitckaia_liubov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

Introduction. At the moment the territory of the Russian Federation comprises 138 endangered languages, which determines the relevance of studying the influence of the state's language policy on the development of the Karelian language. The purpose of the study is to analyze the way language contacts influenced Karelian. The novelty of the study lies in the consideration of linguistic interference in the historical context.

Methodology and sources. The study is conducted using the publications in Karelian of the pre-Soviet and Soviet periods, as well as articles from modern electronic periodicals. The research material was broadened by interviewing several informants. The data was collected and analyzed using the method of continuous sampling, questioning, participant observation, and comparative analysis. The theoretical basis of the research is the social typology of languages and the typology of language situations.

Results and discussion. Different historical periods ended in changing Karelian in different ways and making it adopt some features of Finnish, Vepsian and Russian. The texts of the pre-Soviet period show that lexical units of Russian origin denote everyday realities or religious concepts. The Soviet period texts demonstrate the maximum number of Russian-based lexical units, that are related to everyday life or Soviet ideology and realities. In the texts of the modern period, there is the least number of words of Russian origin, that are mostly borrowings that have long been a part of the language norm of Karelian.

Conclusion. With the distinctive features relevant to the typology of language situations taken into account, the present language situation in the Republic of Karelia can be defined as multicomponent multilingual, being demographically out of equilibrium and communicatively unbalanced. In different historical periods Karelian was influenced, in varying degrees, by Russian; this is clearly reflected in the vocabulary. Nowadays professional and amateur activists striving to revitalize the Karelian language are oriented mainly towards its Baltic-Finnish basis.

Keywords: language policy, Karelian and Russian languages, mixing of languages, language interference

For citation: Ivanova, V.A. and Ulianitckaia, L.A. (2022), "Lexical Interference of Russian and Karelian in the Diachronic Aspect of Language Policy", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 142–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157 (Russia).

Введение. Российская Федерация является многонациональным, полиэтническим и многоязычным государством, в котором вопросы языковой политики остаются актуальными в любой период его развития. По данным Института языкознания РАН, в настоящее

время на территории РФ функционируют 153 языка, из которых 25 – на грани исчезновения, 19 считаются исчезающими, 64 имеют статус «под угрозой исчезновения с малым числом говорящих», и 30 являются языками «под угрозой исчезновения с относительно большим числом говорящих» [1].

Языковая политика XX в. в отношении карельского языка характеризуется в основном непоследовательностью языкового планирования, что было обусловлено диалектной и территориальной разобщенностью этого языка, а также внешнеполитическими причинами. Исследователь из университета Йоненсуу Эса Анттикоски отмечает, что в течение десяти лет в 1930-е гг. было испробовано не менее пяти разных стратегий для решения языковых проблем карел [2].

При организации карельской автономии в начале 1920-х гг. был поднят вопрос о создании карельского литературного языка, оставшийся на тот момент нерешенным из-за диалектных различий и отсутствия литературной традиции языка титульного этноса. Также значительную роль играли финские эмигранты-коммунисты, которые стремились к созданию в Карелии плацдарма для будущей финской революции. Поскольку северные варианты карельского языка были близки к финскому, в качестве литературного для северных карел был введен финский язык, а в остальной части республики литературным языком оставался русский [2].

Во второй половине 1920-х гг. было предложено использовать финский язык в качестве объединяющего карельские говоры в рамках общесоюзной политики «коренизации». Далее была выдвинута идея о «карелизации» финского языка путем обогащения его местными элементами. Попытки применения смешанного «карело-финского» языка, однако, оказались неудачными.

В дальнейшем велась работа по приданию более «советского» вида финскому языку, который стал ассоциироваться с претензиями Финляндии к Советскому Союзу, связанными с регионом исторического пересечения интересов двух стран – Карелией. В язык стали включаться русские и интернациональные элементы (так, например, слова «*neuvosto*» (совет), «*tasavalta*» (республика), «*vallankumous*» (революция) были заменены заимствованиями «*sovetti*», «*respublikka*», «*revolutsio*» соответственно).

Во второй половине 1930-х гг. начался процесс кириллизации письменностей, и в Карельской АССР вновь было решено создать единый литературный карельский язык на основе русской графики и внедрить его в школах вместо финского. Разработанный вариант стал усредненным компромиссом с множественными заимствованиями русской и интернациональной терминологии и новообразованиями по финским моделям. Часто карельские слова заменялись русскими эквивалентами с карельскими суффиксами (например, статья литературно-художественного журнала «Карелия» 1939 г. начинается со слов «*Гениальнойн русскойин писателян Михаил Евграфович Салтыков-Щедринан*» [3, с. 10].

Далее карельская интеллигенция и создатели литературного языка были объявлены виновниками лингвокультурного хаоса, возникшего в результате произвольных действий властей, что привело к отмене правил литературного языка. С 1939 г. был взят курс на максимальное приближение созданного варианта языка к русскому: велась работа по устранению финских заимствований, карельских неологизмов и элементов тверских говоров. Примером может послужить замена собственно карельской системы склонения (с пятью местными

падежами) системой ливвиковского наречия (с тремя местными падежами), которую можно рассматривать как грамматическое упрощение языка и сведение языка с более сложной падежной системой к языку с менее развитой системой падежей.

Уже в начале 1940 г. в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую ССР финский литературный язык вновь был введен в качестве второго государственного языка, а его изучение стало обязательным в школах с карельским составом учащихся. После войны республики с Финляндией карельский был вытеснен из всех сфер общественной жизни, кроме бытовой. Употребление карельской письменности было прекращено. В конце 1950-х гг. в Карелии закрылись финские школы [2].

Так, непоследовательная языковая политика относительно карельского языка привела к тому, что в период с 1940 по 1989 гг. карельский существовал в Карелии лишь в качестве языка бытового общения. По данным переписи населения 1989 г., 50 % карелов не считали карельский язык родным. В том же году был официально утвержден латинский алфавит карельского языка.

В начале 1990-х гг. авторитет карельского языка в республике был чрезвычайно низок, дети не только не получали информации о нем в школах или со страниц периодических изданий, но и стеснялись говорить по-карельски, а при получении паспорта многие меняли национальность.

В 1991 г. вступает в силу Закон «О языках народов Российской Федерации», в соответствии с которым государственным языком республики является русский язык, а другие государственные языки могут устанавливаться на основании прямого волеизъявления населения, выраженного путем референдума [4]. С 1994 г. выпускается череда законопроектов о государственных языках Республики Карелии, в которых на роль второго государственного рассматриваются язык титульного этноса республики карельский и исторически бытовавший на территории республики финский языки.

В ситуации государственного двуязычия вся система управления должна была бы на равных обслуживаться двумя государственными языками, документация всех органов власти дополняться переводом на карельский язык, все государственные и муниципальные служащие должны были бы осваивать и в конечном счете владеть карельским языком. Возможно, система государственно-общественных отношений не была готова создавать параллельный с русским мир карельской политико-языковой среды, и инициатива присвоения языку титульной нации республики статуса государственного не была поддержана в должной мере.

В 2002 г. Совет Федерации внес поправки в закон «О языках народов РФ», направленные против попыток изменения графики языка, составляющей ядро российской культуры. Дополнением к закону стало закрепление графической основы кириллицы для алфавитов государственных языков республик на территории Российской Федерации, что существенно усложнило процедуру получения карельским языком статуса государственного. В соответствии с поправками ни финский, ни карельский языки не могли стать вторым государственным языком республики, потому что имеют латиницу в качестве графической основы.

Уже в 2002 г. карелы и финны понимали, что существуют только два выхода из сложившейся ситуации: переходить на кириллицу либо обращаться в Госдуму и Совет Федерации, чтобы был принят федеральный закон, позволяющий языку иметь иную графическую основу [5, с. 219].

Переход карельского на кириллицу не рассматривался: во-первых, в течение предшествующих тринадцати лет он уже развивался на графической основе латиницы с момента утверждения карельского алфавита 1989 г; во-вторых, кириллица все еще оставалась вариантом, не соответствовавшим фонетической системе языка.

В настоящее время Законодательное собрание Карелии пока не поддерживает поправки по приданию карельскому статусу второго государственного языка из-за множества бюрократических сложностей – от двойного документооборота до перевода документации на карельский.

Несмотря на то, что на государственном уровне решение вопроса продвигается медленно, в последние годы возрастает деятельность карельских языковых активистов. Так, на карельском языке выходит еженедельная общественно-политическая газета «Ома Муа» («Родная Земля»), новости Карелии «Viestit Karjala» также выходят на финском, карельском и вепском языках каждый будний день в девять утра на телеканале «Россия 1». Языковая активистка Ольга Гоккоева, желая сохранить культуру своего народа, создала общественную организацию – языковое гнездо Karjalan kielen kodi (Дом карельского языка), собрав средства с помощью благотворительных концертов в городах России, Финляндии и Швеции. В Доме проводятся уроки карельского, шьют, готовят, ставят спектакли, отмечают праздники на карельском языке. В рамках постоянного сотрудничества со школой, детским садом и библиотекой в Дом приходят дети и молодежь на уроки карельского языка и мастер-классы по рукоделию и выпечке. Дом карельского языка также стал популярным местом для проведения международных и межрегиональных мероприятий по вопросам карельского и финно-угорских языков: там проходят семинары и форумы для всех интересующихся карельским языком и культурой [6].

На сегодняшний день Карелия остается единственной республикой в составе Российской Федерации, на территории которой язык титульной нации не имеет статуса второго государственного. Количество носителей карельского языка сократилось в 2,5 раза на территории РФ (РСФСР) с 1989 по 2010 гг. (с 62 тыс. [7, с. 38] до 25 тыс. носителей [8]) и в 2 раза за промежуток с 2002 по 2010 гг. на уровне республики (с 35 тыс. [9] до 16 876 носителей [8]).

В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО карельский язык – один из 50 языков РФ, находящихся под угрозой (статус «definitely endangered») [10]. Такой статус ему присвоен на основе данных российской переписи населения 2002 г. наряду с коми, сету, марийским [11]. Степень сохранности языков оценивается по тому, как язык передается между поколениями: статус «под угрозой» означает, что язык не изучается детьми как родной. Подобная языковая политика не могла не отразиться на карельском языке, в первую очередь не могла не затронуть его лексического состава и не выразиться в таком языковом феномене, как языковая интерференция, при которой одна языковая система внедряется в другую. Лексическая интерференция русского и карельского языков, рассмотренная в исторической перспективе в тесной связи с языковой политикой доминирующих в разные периоды властей, является предметом настоящего обзора.

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания на карельском языке досоветского и советского периодов, включающие в себя тексты религиозной

тематики, литературно-художественные и учебные издания, а также статьи из современных электронных периодических изданий.

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков до 1930-х гг. было проанализировано содержание Евангелия от Луки 1899 г. на карельском языке (Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Луки на Корельскомъ Языке / Господанъ Міанъ Иисусанъ Христанъ Пюгя Евангелии Лукашта Карьянанъ Кіелелля) [12], Двенадцать Страстных Евангелий 1908 г. (Двънадцать Страстныхъ Евангелій Чтомыхъ въ Великій Пятокъ на Утрени на Карельскомъ Нарѣчїи) [13], а также Божественная Литургия Иоанна Златоуста 1911 г. (Божественная Литургія, иже во Святыхъ Отца Нашего Іоанна Златоустаго на Карельскомъ Нарѣчїи для Священнослужителей и Пѣвчихъ) [14]. Обнаружено 105 примеров. Для выявления статуса лексической единицы в языке (определения ее интерференционного характера или вероятной принадлежности к заимствованиям) использовались «Русско-Карельскій словарь» М. Д. Георгиевского 1908 г. [15] и «Русско-Карельскій словарь» В. Королева 1913 г. [16].

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков в период после 1930 г., в период непоследовательной языковой политики, кириллизации письменностей и советизации языков был проанализирован отрывок из повести А. Гайдара «Дальние страны» («Лоиттозет муат»), изданной на карельском языке в 1938 г. [17], статья «Социализман муан армия» («Армия социалистической страны») из литературно-художественного журнала Союза советских писателей Карельской АССР «Карелия» 1939 г. [18] и отрывок из учебного пособия по естествознанию на карельском языке для 3-го класса начальной школы В. А. Тетюрева 1939 г. [19], перевод которого был утвержден Карельской АССР и Народным комиссариатом просвещения. Число обнаруженных лексических единиц с русскоязычным корнем – 281. Эти лексемы были сопоставлены с лексемами, зафиксированными в «Большом русско-карельском словаре» Т. П. Бойко 2011 г. [20].

Для исследования современного состояния карельского языка были проанализированы 9 статей на карельском языке электронных периодических изданий «Oma tuua», «Karjalan Sanomat», «Kipinä» и «Kodima», выпущенных в период с 18.02.21 по 18.05.21 [21–29], в которых было обнаружено лишь 28 лексических единиц русскоязычного происхождения.

В качестве методов сбора и анализа информации применялись метод сплошной выборки, метод анкетирования, метод включенного наблюдения, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования служат такие современные направления лингвистики, как социальная типология языков и типология языковых ситуаций. Особую ценность для настоящей работы представляет типология языковых ситуаций, учитывающая динамику их изменения, выделяющая их различные типы по числу говорящих, количеству функций используемых языковых вариантов, по степени генетической близости языков, а также престиж того или иного языкового варианта (идиома) в условиях культурного многоязычия.

Результаты и обсуждение.

Лексическая интерференция русского и карельского языков периода до 1930 г.

Из трех текстов методом сплошной выборки было выделено 105 различных русскоязычных значимых корней лексических единиц, из которых 42 (40 %) посвящены религиоз-

ной тематике («*пророка*» (пророк), «*синагогань*» (синагога), «*фарисейть*» (фарисеи), «*апостолить*» (апостолы), «*молиннаиша*» (в молитве), «*псалмойся*» (в псалмах)), а 63 (60 %) описывают бытовые реалии («*закона*» (закон), «*женихья*» (жених), «*прузднийекаксе*» (на праздник), «*суаду*» (сад)).

В словарях в той или иной форме были представлены 47 лексических единиц, для 42 из которых карельская форма корня полностью или частично совпадала с русской. Так, например, «*ангели*» согласно словарю 1913 г. является карельской формой русского «*ангель*», «*спуассіэксэхъ*» – «*спасаться*», а «*праведникъ*» соответствует карельскому «*пруаведніэкку*». Из данной группы слов интерес также представляет «*гробъ*», карельским эквивалентом которого является «*гроба*» в словаре 1908 г., «*рувги*» – в словаре 1913 г. Будучи отмеченными в словарях, данные лексические единицы, вероятнее всего, являются заимствованиями. Всего к религиозной тематике из группы заимствований относятся 14 слов.

Наибольший интерес представляет группа лексем, обозначенных в словаре в отличной от представленных в исследуемых текстах формах, и не зарегистрированные в словарях лексические единицы.

Так, 5 лексических единиц «*тайно*» (тайно), «*злодъй*» (злодей), «*сребренніекатъ*» (сребреники), «*правійтель*» (правитель), «*учійтелейнь*» (учителя) имеют в словарях карельские формы или корни слов «*пэйточи*», «*паганъ-луадій*», «*гобье/гобью*», «*огьята*», «*опастай*» соответственно, причем «*учитель*» в словаре 1908 г. представлен формой «*опастай*», а в словаре 1913 г. – формой «*учитель*», даже с тем, что следующий за ним глагол «*учить*» – «*опастуа*». В «Большом русско-карельском словаре» [20] слово «*учитель*» представлено единственным вариантом «*opastui*», что позволяет предполагать интерференционные явления.

Из группы отсутствующих в словарях единиц 29 (50 %) относятся к религии, включая формулы «*Аминь*», «*аллилуіа*» и обращение «*Господи*». В словарях не представлены степени священства «*архейрей*» (архиерей), «*претоорій*» (преторий), «*Архієпископасъ*» (архиепископ), «*Епископасъ*» (епископ), «*діэкконойсь*» (дьякон), «*патріархойсь*» (патриарх); существа «*херувимолой*» (херувим), «*серафимолой*» (серафим); прилагательные «*святійсь*» (святой), «*христіанскойнь*» (христианский), «*преподобнойнь*» (преподобный), «*пруаведнойнь*» (праведный), «*духовнойнь*» (духовный) и др.

Представляется интересным рассмотреть отдельно использование русскоязычных служебных слов в карельских текстах начала XX в. Помимо повсеместного использования союзов «*и*», «*но*», «*а*», можно отметить применение частиц «*ни*» в составе союза «*ни...ни*», как, например, в предложении: «*Муга гюй руветахъ руадамахъ, ку эйтїета ни Туаттуа, ни Минуо*» (Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня) [13, с. 12]; междометия «*да*»: «*Да сполнійгесь сана Гянэнь саноту*» (Да сбудется слово, реченное Им) [13, с. 21]; союзного слова «*что*»/«*што*»: «*совіетуйччи Іудейлоїле, что паремби онъ куолта јхтэлъ генгель развагасъ стуачи*» (совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ) [13, с. 22]; вводной указательной частицы «*вот*»: «*вотъ тэйянь Цуари*» (се, Царь ваш!) [13, с. 31]; союза «*либо...либо*»: «*либо саналь, либо діэлоль*» (либо словом, либо делом) [14, с. 15]; частицы «*неушто*»/«*неужли*» (неужели): «*неушто Минуль эй ювва чуаишуа*» (неужели Мне не пить чаши) [13, с. 21]; частицы «*развъ*» (разве): «*Развъ синя эть уско:*

что Миня олэнь Туатась, а Туатто онь Минусь?» (Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?) [13, с. 5]. Словарь 1908 г. дает соответствие русскому «развѣ» карельского «неужто».

В Литургии Иоанна Златоуста 1911 г. некоторым карельским фразам также предлагается русскоязычная альтернатива: «Господи помилуй, или Господи армаста» [14, с. 3], «Тебѣ Господи, или синуллэсь Господи» [14, с. 4], «подай Господи, или анна Господи» [14, с. 11].

Лексическая интерференция русского и карельского языков с 1930 по 2000 гг.

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков в период после 1930 г. был отобран 281 пример лексических единиц с русскоязычным корнем, которые проверялись в «Большом русско-карельском словаре» [20]. Так, в словаре отсутствуют 35 отобранных лексических единиц, среди которых многие связаны с советскими реалиями, например: «комсомольциста», «коммунарнойн», «семафораста», «социализман», «доблестнойн», «бдительнойна», «большевицкойн», «сталинской», «детница», «пролетарскойн», «интервентойн», «белогвардейцинан», «социалистическойс», «передовой».

Среди 246 содержащихся в словаре лексических единиц 68 (27,64 %) не имеют нерусскоязычных эквивалентов и существуют только в представленной в анализируемых текстах форме. Среди них лексические единицы бытовой сферы («поездуа» (поезд), «банка», «вагона» (вагон), «столилла» (на столиках), «стеклат» (стекла), «полкалла» (на полке), «станциялла» (на станции), «газетах» (в газету), «школуа» (школы), «книигат» (книги), «груши», «ориэхойда» (орехов), «паровозакси» (паровозом), «урокалла» (на урок), «мужикойлла» (мужикам), «бумуаган» (бумагу), «рублюа» (рублей), «огородасса» (на огороде), «яблокуа» (яблоками) и др.) и относящиеся к советской идеологии или реалиям слова («товарищат» (товарищи), «командуйччон» (командует), «генеруалан» (к генералу), «пионеройла» (пионера), «пулеметат» (пулеметы), «артиллерийскойлойн» (артиллерийских), «боевойн» (боевой), «комиссарат» (комиссары), «военной» (военный), «партиян» (партии), «войскат» (войска), «буржуазно», «колхозойл» (колхозный), «совхозойл» (совхозный) и др.).

Еще 21 лексическая единица представлена в словаре частью ряда множественного соответствия карельских вариантов русскоязычному слову. Среди них: «сторожалла» (у сторожа) («*storoži*», также «*vardoičči*»); «интереснойда» (интересный) («*interesno*», также «*kiindožesti*», «*mielenkiindožesti*»); «пленях» (в плен) (также «*vangičis*»); «хуторан» (хуторской) («*huutor*», также «*meččykylä*»); «районах» (в район) («*rajon*», также «*aloveh*», «*piiri*»); «племянника» (племянник) («*plemänniekkü*», также «*vellenpoigu*», «*vellentytär*»); «революция» («*revolitsii*», также «*vallankumovus*»); «командират» (командиры) («*komandiiru*», также «*piälikkö*»); «устават» (устав) («*ustuavi*», также «*siännöt*»); «делуо» (дело) («*dielo*», также «*azii*»).

Самая большая группа слов – 157 лексических единиц, представленных в словаре соответствием нерусскоязычного происхождения. Так, например, «забораста» (через забор) имеет карельский эквивалент «*aidu*», а «развлечения» (развлечение) представлено карельским «*ilo/iloitus*».

Интересно отметить, что в некоторых случаях, даже несмотря на существование уже вошедшего в карельский язык варианта слова русскоязычного происхождения, используется новое русскоязычное слово. Так, например, «необходимой» (необходимый) может переводиться на карельский как «*neprempnoi*», «бойцат» (бойцы) как «*saldattu*», «торжествен-

ноймбах» (к торжественному, торжество) как «*pruazniekku*», «любопытно» как «*interesno*», «животной» (животный, животные) как «*zvieri*». Даже одним из вариантов частицы «разве» остается «*neušto*», как и в начале XX в. («*неушто*»), хотя само «разве» не предлагается по-карельски ни в одном варианте словарей. Так и противительный союз «однако» (однако) имеет карельское соответствие «*no*», и вводное слово «пожалуй» имеет карельским эквивалентом «*onnuako*».

«Тайна», как и в словаре 1913 г., переводится на карельский исключительно как «*peittožus*», но как в тексте 1908 г., так и в статье 1939 г. используется русскоязычное «*тайнуа*». Показательным также является применение лексической единицы «*февралян*» (февраля) вместо существующей в карельском «*tuhukuu*» и «*октябрьская*» (революция) вместо «*ligakuun*».

Касательно вводных слов и служебных частей речи, кроме уже рассмотренных частицы «разве», противительного союза «однако» и вводного слова «пожалуй», можно выделить повсеместно распространенные сочинительные союзы «но», «а», «и», «либо», «значит» (последний с карельскими эквивалентами «*ga sit*», «*se on*»); подчинительные союзы «чтобы» и «если» с карельскими эквивалентами «*ku*», «*gu*», «*štobi*»; междометия «ну», «да»; указательную частицу «вот», у которой существуют карельские эквиваленты «*täs*», «*ga*», «*gu*», «*ku*»; частицу «неужели», карельский вариант которой – «*jokse*»; выражение «христуаруади» (христа ради).

Современное состояние и перспективы развития карельского языка.

Для исследования современного состояния карельского языка были проанализированы 9 статей на карельском языке электронных периодических изданий «*Oma tuua*», «*Karjalan Sanomat*», «*Kirinä*», «*Kodima*», выпущенных с 18.02.2021 по 18.05.2021 [21–29], в которых было обнаружено лишь 28 лексических единиц русскоязычного происхождения. Среди них в словаре [20] не представлены «*disaineri*» (дизайнер), «*agrostartap*» (агростартап), «*ortodoksina*» (православный). В более раннем словаре 1913 г. [16] слово «православный» представлено карельским соответствием «*православной*».

Кроме того, несоответствие словарной карельской формы слова и примера его использования в статье наблюдается лишь однажды: «*kuklojen*» (кукольный) имеет карельскую форму «*tytti*».

Остальные слова (85,7 %) совпадают с приведенными в словаре вариантами, 16 из которых не имеют синонимов и представлены только в виде слова русскоязычного происхождения («*spektakli*» (спектакль), «*festivalin*» (фестиваль), «*teatterit*» (театр), «*kilometriä*» (километр), «*aktiivisesti*» (активист), «*politiikan*» (политик), «*ministerijön*» (министерство), «*istorija*» (история), «*kulttuurie*» (культура), «*etnos*» (этнос), «*fermerie*» (фермер), «*tonnia*» (тонна), «*miljard*» (миллиард), «*federaližen*» (федеральный), «*b'udžetaspäi*» (бюджет), «*arkkitehtuuri*» (архитектура)).

Еще 8 слов имеют синонимы: «*seremonijua*» (или «*pivot*», «*menot*») (церемония); «*projektit*» (или «*malli*», «*kuva*», «*pohjukuavu*») (проект); «*idejojen*» (или «*mielikuva*») (идея); «*restaurointityöt*» (или «*endizelleh kunnostua*») (реставрировать); «*socialižen*» («*yhteiskunnalline*», «*yhteiskundu*») (социальный); «*ekonomižen*» («*talovehelline*») (экономический); «*programman*» («*ohjelmu*») (программа); «*transportan*» («*ajonevvot*») (транспорт).

Легко заметить, что в отличие от советского периода современные тексты не переносятся русскоязычными корнями, в них отсутствуют сходные с русскоязычными междометия, в большинстве своем для выражения действий используются глаголы на карельском, а лексические единицы с русскими корнями применяются чаще в случаях, когда они являются единственными вариантами. Синтаксические конструкции с русскоязычным глагольным элементом в текстах досоветского периода составляют 13 глаголов, а в текстах советского периода – 23 глагола. В современных текстах смысловое ядро предложения полностью выражено карельскими лексическими единицами. Это позволяет предполагать перенасыщение русскоязычным лексическим компонентом карельского языка советского периода и снижение доли русского языка в карельском, ориентацию языковых активистов, возрождающих язык в наши дни, на его прибалтийско-финскую основу. Как и в странах Прибалтики, которые с помощью языковой политики успешно отдаляются от советского прошлого, в Республике Карелии эти процессы могут происходить как реакция на излишнюю русификацию карельского языка 30-х гг. XX в. Кроме того, поскольку система карельского языка не испытывает недостатка в выразительных средствах, а язык находится под угрозой исчезновения, использование преобладающего количества лексических единиц именно карельского происхождения представляется вполне закономерным.

В целях ознакомления с живыми говорами карельского языка была совершена поездка в город Сортавала Республики Карелии и проведена работа с двумя информантами, женщинами предпенсионного возраста, которым была предложена анкета, содержащая несколько вопросов. Развернутые ответы на эти вопросы стали материалом, позволяющим получить представление о современном состоянии ливвиковского диалекта карельского языка.

Анкета состоит из трех частей: 4 открытых вопроса, блок лексики и 35 фраз на перевод. Лексика в анкете подобрана таким образом, чтобы по данному информантами варианту слова можно было определить их диалект карельского языка (например, «*лиса*» на собственном карельском наречии – «*repo*», а на ливвиковском карельском – «*reboi*»).

Речь информантов позволила не только определить их диалект карельского языка (ливвиковский), но и найти примеры интерференции русского и карельского языков, а также определить ряд заимствований из русского языка.

В устной речи карелок присутствуют характерные для текстов досоветского и советского периодов сходные с русскоязычными междометия и союзы «*и*», «*вот*», «*ну*», «*но*», «*а*», «*хоть*», «*что*», «*чтобы*». Среди 73 лексем, выделенных в речи информантов, заимствования из русского языка составляют 35 единиц. Эти лексемы обозначают преимущественно бытовые реалии (например, «*kanfiettu*» (конфета), «*kluassu*» (класс), «*škola*» (школа), «*muuzikku*» (музыка), «*kilometri*» (километр), «*universitiettu*» (университет), «*svuad'bu*» (свадьба), «*t'outa*» (тетя), «*militsii*» (милиция), «*penzii*» (пенсия), «*samvuaru*» (самовар), «*č'ujuu*» (чай), «*od'd'ualu*» (одеяло), «*pos'olku*» (поселок)).

Примерами интерференции могут служить лексемы «*postupa*» (поступать), «*vrač*» (врач), «*ekzamen*» (экзамен), «*gramota*» (грамота), «*raskažen*» (рассказывать), «*internatassa*» (интернат), «*družim*» (дружить), «*nos*» (нос), «*detsadus*» (детский сад), «*fotograffi*» (фотографии), «*obšežitijas*» (общезитие), «*podrugga*» (подруга), «*gostinicas*» (гостиница), «*direktor*» (директор), «*smetvano*» (сметана), «*skovorodkku*» (сковородка), «*smorodinu*» (смородина),

«*musori*» (мусор), «*dekabrialla*» (декабрь), не имеющие соответствий в словаре [20]. Очевидно, что коррелятивные по форме слова двух контактных языков воспринимаются носителями как семантически тождественные.

Интересно, что процесс словоизменения приведенных 19 лексем сходен с изменениями в языке, происходившими во второй половине 1930-х гг., когда карельские слова повсеместно заменялись русскими эквивалентами с карельскими суффиксами. В данном случае информантами были использованы, например, карельские морфемы «*-ssa*» (инессив, «*internatassa*» – в интернате), «*-lla*» (адессив-аллатив, «*dekabrialla*» – в декабре).

Кроме того, в процессе говорения информанты обнаруживали, что в определенных случаях первый произнесенный ими вариант являлся лексической единицей из финского языка и исправляли ее на карельскую. Так, был сделан акцент на то, что карельское «*poikua/poigu*» (сын) отличается от финского «*poika*», финское «*koulu*» было исправлено на карельское «*škola*», финское «*opiskelin*» было заменено карельским «*opastuin*» (изучал), карельские «*universitiettu*», «*čuassu*», «*huondes*» (университет, час, утро) явились исправленными вариантами финских «*yliopisto*», «*kello*», «*aamu*». При поиске соответствия карельскому «*налево*» информантки были убеждены, что помнят только финский вариант «*hura*», однако русско-финский словарь дает единственное финское соответствие – «*viasemalle*» [30], в то время как согласно русско-карельскому словарю «*налево*» – «*huruale*» [20].

Все сказанное позволяет предположить, что у карельского языка есть шанс на сохранение своей самобытной основы, защищенность от интерферентных явлений как со стороны русского, так и со стороны финского языков. Разумеется, сохранность и развитие карельского языка возможны лишь в условиях благоприятной языковой ситуации в Республике Карелии.

Заключение. С учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций, ситуация в Республике Карелии на сегодняшний день может быть охарактеризована в следующих терминах: по степени языкового и этноязыкового разнообразия – многокомпонентная многоязычная (существование на ее территории русского, карельского, вепсского, финского языков); по демографической мощности – демографически неравновесная (карельский, вепсский – языки этнических меньшинств); по коммуникативной мощности – коммуникативно-несбалансированная (большую часть коммуникативных функций выполняет государственный язык республики – русский); по характеру государственного регламентирования – с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков (карельский язык не имеет статуса второго государственного); по степени генетической близости языков – совмещающая близкородственные и неблизкородственные языки (русский и карельский принадлежат разным языковым семьям, в то время как карельский, вепсский и финский – к одной); по этническим корням престижного языка – смешанная; по оценке социумом престижа языков – диглоссная (престижным в республике считается знание русского языка). Сегодня вследствие непоследовательной языковой политики XX в. в Республике Карелии функционирует язык, отраженный в названии этой территории, но находящийся под угрозой исчезновения, не имеющий статуса второго государственного языка. Большую часть деятельности по возрождению карельского языка и привлечению к нему внимания осуществляют языковые активисты республики.

В разные исторические периоды карельский язык в разной степени подвергался воздействию русского языка, что особо отразилось на лексическом уровне как в плане заимствований, так и в плане интерференционных явлений. Интерференционные процессы происходили в рассматриваемом регионе в условиях сосуществования и функционирования языков разных семей. Приведенные в статье примеры дают основание утверждать, что чем больше языки различаются генетически или типологически, тем сильнее в них интерференционные явления. Разумеется, на процесс лингвистической интерференции существенное влияние оказывает языковая политика, проводимая властями в том или ином регионе. Поэтому в работе была предпринята попытка рассмотреть интерферентные явления в карельском языке сквозь призму исторических и политических событий в различные периоды его функционирования.

Так, было установлено, что в текстах досоветского периода лексические единицы русскоязычного происхождения обозначают бытовые реалии или религиозные понятия, и больший процент слов русскоязычного происхождения не зарегистрирован в словарях, т. е. функционирование этих слов определяется интерференционными процессами.

По результатам анализа текстов видно, что разработка единого литературного карельского языка на основе русской графики во второй половине 1930-х гг., которым стал усредненный вариант разных говоров карельского с множественными заимствованиями лексики из русского языка, существенно отразилась на состоянии исконного языка республики. Курс на максимальное приближение создаваемого варианта карельского языка к русскому привел и к значительной лексической интерференции. В текстах советского периода обнаруживается максимальное количество русскоязычных лексических единиц, относящихся к бытовой сфере и советской идеологии или реалиям. В большинстве случаев в текстах данного периода предпочтение отдается русскоязычным корням даже в условиях семантической конкуренции, когда система карельского языка не испытывает недостатка в выразительных средствах. Также следует отметить, что в досоветский и советский периоды карельский язык изобилует русскоязычными служебными словами.

В текстах современного периода обнаруживается минимальное количество лексических единиц русскоязычного происхождения, которые в большинстве представляют собой уже вошедшие в норму карельского языка русские заимствования.

При анализе устной речи информантов было подмечено, что коррелятивные по форме слова двух контактных языков могут восприниматься носителями как семантически тождественные, что является одним из самых показательных проявлений лексической интерференции. Подобные явления наблюдаются при контакте карельского как с русским, так и с финским языками.

В результате проведенного исследования можно констатировать перенасыщение карельского языка русскоязычным лексическим компонентом в советский период и снижение доли русскоязычных включений в современном карельском. Возвращению карельского языка к автохтонной, самобытной основе в существенной степени способствуют языковые активисты, стремящиеся сохранять и развивать его в качестве языка исконно карельских территорий. Сегодня активисты из числа профессионалов и любителей, возрождающие карельский язык, ориентируются в основном на его прибалтийско-финскую основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коряков Ю. Б. Список языков России (с указанием их социолингвистического статуса). 2019. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2019.shtml (дата обращения: 07.04.2021).
2. Анттикоски Э. Проблема карельского литературного языка в 1930-е и 1990-е гг. // Карелы и Карелия. 1996. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/karel/ant2.htm> (дата обращения: 22.04.2021).
3. Кирпотин В. Великий русской сатирикка // Карелия. 1939. Вып. 5. С. 10–13.
4. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 31.07.2020) «О языках народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/8b948ff5a8560c4ded6c4c5ca9282fe88e78b5b2/ (дата обращения: 01.02.2021).
5. Бирин В. Н., Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.
6. Дом карельского языка / Karjalan kielen kodi // Республика. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/dom-karelskogo-yazyka-karjalan-kielen-kodi/> (дата обращения: 17.02.2021).
7. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.
8. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.01.2021).
9. Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 31.01.2021).
10. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения: 31.01.2021).
11. Языки под угрозой исчезновения // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 31.01.2021).
12. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Луки на Корельскомъ Языкѣ. Архангельск: Типо-Литографія Наслѣдниковъ Д. Горяйнова, 1899. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000492/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Двѣнадцать Страстныхъ Евангелій Чтомыхъ въ Великій Пятокъ на Утрени на Карельскомъ Нарѣчїи, 1908. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000482/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
14. Божественная Литургія, иже во Святыхъ Отца Нашего Іоанна Златоустаго на Карельскомъ Нарѣчїи для Священнослужителей и Пѣвчихъ. Выборгъ: Выборгская новая типографія, 1911. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000513/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
15. Георгиевскій М. Д. Русско-Корельскій словарь. СПб.: Типографія В. Д. Смирнова, 1908.
16. Королевъ В. Русско-Карельскій словарь. 1-е изд. Выборгъ, 1913.
17. Гайдар А. П. Лоиттозет муат: Ванхембиэ лапсиэ варойн / пер. М. Диева. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1938.
18. Социализман муан армия // Карелия. 1939. № 2. С. 4–7.
19. Тетюрев В. А. Учебникка Начальнойн школан 3 классал. Петрозаводск: Карельской гос. изд-ва, 1938.
20. Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011.
21. "Kipinä" tariččou kanarvočäijyn ta havumečän tuokšuo // OMAMEDIA. 18.02.2021. URL: https://omamedia.ru/news/kipin_tari_ou_kanarvo_ijyn_ta_havume_n_tuok_uo/ (дата обращения: 18.05.2021).
22. "Kipinä" vuottau kešyä ta valmistautuu merkkipäiväkši // OMAMEDIA. 18.05.2021. URL: https://omamedia.ru/news/kipin_vuottau_ke_y_ta_valmistautuu_merkkip_iv_k_i/ (дата обращения: 18.05.2021).

23. Kalaštajašta ta kalasešta -spektakli šai “Kultasen nuamijon” // OMAMEDIA. 23.04.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/kala_taja_ta_ta_kalase_ta_spektakli_ai_kultasen_nuamijon/ (дата обращения: 18.05.2021).

24. Karjala sab miljardoid kehitoitandprogrammaha // OMAMEDIA. 11.07.2021. URL: https://omamedia.ru/news/karjala_sab_miljardoid_kehitoitandprogrammaha/ (дата обращения: 18.05.2021).

25. Karjalan 17 fermerie šuau rahua oman talouven kehittämiseh // OMAMEDIA. 13.05.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/karjalan_17_fermerie_uau_rahua_oman_talouven_kehitt_miseh/ (дата обращения: 18.05.2021).

26. Suurmartyyri Barbaran kirkon restaurointityöt saadaan valmiiksi kesällä // OMAMEDIA. 12.03.2021. URL: https://omamedia.ru/news/suurmartyyri_barbaran_kirkon_restaurointity_t_saadaan_valmiiksi_kes_ll/ (дата обращения: 18.05.2021).

27. Uusi kalajalostamon osasto avattiin Rautalahteen // OMAMEDIA. 25.02.2021. URL: https://omamedia.ru/news/uusi_kalajalostamon_osasto_avattiin_rautalahteen/ (дата обращения: 18.05.2021).

28. Uuvvet kanšalaisprojektit hankitah raha-apuo // OMAMEDIA. 17.05.2021. URL: https://omamedia.ru/news/uuvvet_kan_alaisprojektit_hankitah_rah_a_puo/ (дата обращения: 18.05.2021).

29. Ympäristö: Karjalassa on siivottu yli 8 kilometriä rantaalueita // OMAMEDIA. 18.05.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/ymp_ri_st_karjalassa_on_siivottu_yli_8_kilometri_ranta_alueita/ (дата обращения: 18.05.2021).

30. Пасенен М. В. Финско-русский и русско-финский словарь. СПб.: Типография им. Ивана Федорова, 1992.

Информация об авторах.

Иванова Виктория Андреевна – студентка (1 курс, магистратура) филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: языковая политика, миноритарные языки, гендерная лингвистика.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.11.2021; принята после рецензирования 02.12.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Koryakov, Yu.B. (2019), *Spisok yazykov Rossii (s ukazaniem ikh sotsiolingvisticheskogo statusa)* [List of languages of Russia (indicating their sociolinguistic status)], available at: http://jazykirf.ilingran.ru/list_2019.shtml (accessed 07.04.2021).

2. Anttikoski, E. (1996), “The problem of the Karelian literary language in the 1930s and 1990s.”, *Karely i Kareliya* [Karely and Karelia], available at: <http://www.kirjazh.spb.ru/karel/ant2.htm> (accessed 22.04.2021).

3. Kirpotin, V. (1939), “Great Russian satirist”, *Careliya*, vol. 5, pp. 10–13.

4. “Law of the Russian Federation of 25.10.1991 N 1807-1 (as amended on 31.07.2020) “On the languages of the peoples of the Russian Federation”, *ConsultantPlus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/8b948ff5a8560c4ded6c4c5ca9282fe88e78b5b2/ (accessed 01.02.2021).

5. Birin, V.N., Klement'ev, E.I. and Kozhanov, A.A. (2005), *Karely: modeli yazykovoj mobilizacii. Sbornik materialov i dokumentov* [Karely: models of language mobilization. Collection of materials and documents], KNC RAN, Petrozavodsk, RUS.

6. "House of the Karelian language / Karjalan kielen kodi", *Respublika* [Republic], available at: <http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/dom-karelskogo-yazyka-karjalan-kielen-kodi/> (accessed 17.02.2021).

7. "Population of the USSR: according to the 1989 All-Union Population Census" (1990), *Goskomstat SSSR* [Goskomstat of the USSR], Finansy i statistika, Moscow, USSR.

8. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya* [All-Russian Population Census] (2010), available at: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 31.01.2021).

9. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya* [All-Russian Population Census] (2002), available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 31.01.2021).

10. "UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger", *UNESCO*, available at: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (accessed 31.01.2021).

11. *Yazyki pod ugrozoi ischeznoeniya* [Endangered languages], available at: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (accessed 31.01.2021).

12. *Gospoda Nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelie ot "Luki na Karel'skom" Yazykt* [Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Luke in the Karelian Language] (1899), Typo-Lithography of Nasldnikov D. Goryainov, Arkhangel'sk, RUS, available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000492/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

13. *Dv'nadtsat' Strastnykh" Evangelii Chtomykh" v" Velikii Pyatok" na Utreni na Karel'skom" Narčhii* [Twelve Passionate Gospels Chtomykh on Great Friday on Matins in Karelian Naruchi] (1908), available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000482/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

14. *Bozhestvennaya Liturgiya, izhe vo Svyatykh" Ottsa Nashego Ioanna Zlatoustago na Karel'skom" Narčhii dlya Svyashchennosluzhitelei i Pčvchikh"* [Divine Liturgy, like in the Saints of Our Father Ioann Zlatoustago in Karelian Naruchi for Priests and Pčvchikh] (1911), Vyborskaya novaya tipografiya, Vyborg, RUS, available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000513/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

15. Georgievskij, M.D. (1908), *Russko-Karel'skij slovar'* [Russian-Karelian dictionary], Tipografiya V. D. Smirnova, SPb, RUS.

16. Korolev, V. (1913), *Russko-Karel'skij slovar'* [Russian-Karelian dictionary], Vyborg, RUS.

17. Gaidar, A.P. (1938), *Loittozet muat: Vankhembie lapsie varoin* [Faraway countries], Transl. by Diev, M., Karel. gos. izd-vo, Petrozavodsk, USSR.

18. "Army of a socialist country" (1939), *Careliya*, vol. 2, pp. 4–7.

19. Tetyurev, V.A. (1938), *Uchebnikka Nachal'noj shkolan 3 klassal* [Textbook for Primary school students of 3 grades], Karel'skoje Gosudarstvennoje Izdatel'stvo, Petrozavodsk, USSR.

20. Bojko, T.P. and Markianova, L.F. (2011), *Bol'shoi russko-karel'skii slovar' (livvikovskoe narechie)* [Russian-Karelian dictionary (Livvik dialect)], Verso, Petrozavodsk, RUS.

21. "Kipinä" tariččou kanarvočäijyn ta havumečän tuokšuo" (2021), *OMAMEDIA*, 18.02.2021, available at: https://omamedia.ru/news/kipin_tari_ou_kanarvo_ijyn_ta_havume_n_tuok_uo/ (accessed 18.05.2021).

22. "Kipinä" vuottau kešyä ta valmistautuu merkipäiväkši" (2021), *OMAMEDIA*, 18.05.2021, available at: https://omamedia.ru/news/kipin_vuottau_ke_y_ta_valmistautuu_merkip_iv_k_i/ (accessed 18.05.2021).

23. "Kalaštajašta ta kalasešta -spektakli šai "Kultasen nuamijon" (2021), *OMAMEDIA*, 23.04.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/kala_taja_ta_ta_kalase_ta_spektakli_ai_kultasen_nuamijon/ (accessed 18.05.2021).

24. "Karjala sab miljardoid kehitoitandprogrammaha" (2021), *OMAMEDIA*, 11.07.2021, available at: https://omamedia.ru/news/karjala_sab_miljardoid_kehitoitandprogrammaha/ (accessed 18.05.2021).

25. "Karjalan 17 fermerie šuau rahua oman talouven kehittämiseh", (2021), *OMAMEDIA*, 13.05.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/karjalan_17_fermerie_uau_rahua_oman_talouven_kehittämiseh/ (accessed 18.05.2021).

26. "Suurmarttyyri Barbaran kirkon restaurointityöt saadaan valmiiksi kesällä" (2021), *OMAMEDIA*, 12.03.2021, available at: https://omamedia.ru/news/suurmarttyyri_barbaran_kirkon_restaurointityöt_saadaan_valmiiksi_kes_II/ (accessed 18.05.2021).

27. "Uusi kalajalostamon osasto avattiin Rautalahteen" (2021), *OMAMEDIA*, 25.02.2021, available at: https://omamedia.ru/news/uusi_kalajalostamon_osasto_avattiin_rautalahteen/ (accessed 18.05.2021).

28. "Uuvvet kanšalaisprojektit hankitah raha-apuo" (2021), *OMAMEDIA*, 17.05.2021, available at: https://omamedia.ru/news/uuvvet_kanšalaisprojektit_hankitah_rah_ahpuo/ (accessed 18.05.2021).

29. "Ympäristö: Karjalassa on siivottu yli 8 kilometriä rantaalueita" (2021), *OMAMEDIA*, 18.05.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/ymp_ri_st_karjalassa_on_siivottu_yli_8_kilometri_ranta_alueita/ (accessed 18.05.2021).

30. Pasenen, M. V. (1992), *Finsko-russkii i russko-finskii slovar'* [Finnish-Russian and Russian-Finnish dictionary], Tipografiya im. Ivana Fedorova, SPb., RUS.

Information about the authors.

Victoria A. Ivanova – student (1 year, master) at the Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: language policy, minority languages, gender linguistics.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 08.11.2021; adopted after review 02.12.2021; published online 24.02.2022.